

УДК 1 (075.8)

DOI 10.17072/2076-0590-2023-11-85-93

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ: ИСТОК ЕВРОПЕЙСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

М.С. Леготин

Аспирант направления «Социальная и политическая философия»

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: max.legotti@gmail.com

Рассматривается процесс становления европейской рациональности, для чего производится экскурс в её исходный пункт – пифагорейское учение о числе. Интерес пифагорейцев к геометрическому выражению числа и вытекающее из такого подхода избегание нуля находят свое объяснение в традициях, уходящих в глубь веков. Истоки пифагорейского учения о числе обнаруживаются в вакхических культах, элевсинских мистериях и связанных с ними мифах, а также в античной трагедии. Проводится параллель между обрядами в связи со смертью и воскрешением в элевсинских мистериях и театральным представлением, разыгрываемом на сцене. Показано, что в обоих случаях цель воздействия на зрителей – катарсис, очищение от страданий и духовное перерождение. Предпринята попытка объяснить механизм, посредством которого произошло включение дионисийского (иррационального) начала в пронизанный оптимизмом и верой в человеческий разум космос античной культуры. Проведены параллели с современным атомизированным обществом, для которого на уровне массового сознания характерна установка на избегание страдания, что в итоге оборачивается ростом числе несчастных людей.

Ключевые слова: пифагореизм, ноль, Дионис, элевсинские мистерии, катарсис, рациональность, трагедия, ничто.

Чтобы понять смысл рациональности европейского типа, необходимо подойти к ней не только функционально, но и генетически, проследить ее возникновение. Это ставит для нас вопрос о ее исходном пункте, начале. Таким пунктом является пифагорейское учение о числе. Они «утверждали, что пустота существует и входит из бесконечной пневмы в само Небо, как бы вдыхающее [в себя] пустоту, которая разграничивает природные [вещи], как если бы пустота служила для отделения и различения смежных [предметов]. И прежде всего, по их мнению, это происходит в числах, так как пустота разграничивает их природу» [1, с. 136]. Здесь мы сталкиваемся с *ἀλειρον* как отрицанием, противоположностью предела,

бесформенной пустотой, окружающей замкнутое единство. Соединение предела и беспредельного порождает космос и число, а также соответствующие им элементарные этические оппозиции – нечетное и четное, единое и множество, правое и левое, мужское и женское, покоящееся и движущееся, прямое и кривое, свет и тьма, хорошее и дурное, квадратное и прямоугольное [2, с. 76]. По-видимому, интерес пифагорейцев к фигурным числам, их приверженность к геометрическому выражению числа (равносторонний треугольник декады – тетрактис, свойство суммы последовательных нечётных чисел давать квадрат ($1+3$, $4+5$, $9+7\dots$), а чётных – прямоугольник, деление чисел на линейные плоские и телесные (связь плоскости с треугольником, а тела с пирамидой) etc.) заставила их избегать нуля, лишённого конкретной формы. Возможно, они избегали давать лишённому формы имя, поскольку поименованное приводится к существованию в Логосе. В некотором смысле ноль можно рассматривать как воплощение дьявольской чётности числа, прямоугольность как таковую: он предшествует нечётному и делится на двойку и все её степени, свёртывая в своей фигуре бесконечность $\alpha\lambda\epsilon\acute{\iota}\rho\omicron\nu$. Последняя также, согласно Аристотелю, считается чётным числом, поскольку гномон – инструмент, представляющий собою шест, ограничивающий фигурное число, достраивающий его до следующего подобного ему фигурного числа, в пифагорейском геометрическом построении всегда очерчивает чётное число (гномон квадрата $\{4\}$ и тетрактиса $\{10\}$ – пятёрка, прямоугольника $\{2\}$ – четвёрка, вне предела всегда чётное число). Таким образом, бесконечность, как то, что лишено предела должна быть чётной [1, с. 109]. Заметим, что Единое, как центр, монада, противостоящая децентрированной двойке и не принимаемое за собственно число (чётное или не чётное), порождающее все числа, может быть порождено приложением пустого предела к континууму: как только ноль получает размещение, функционирует, приводится в движение, его факториал обнаруживается как единица. Множество дискретных величин путём сопоставления сворачивает себя в пустое тождество различного.

Уже в двадцатом столетии тот же самый ход мысли совершил Г. Фреге, в своей логицистской программе задумавший осуществить аналитическое выведение ряда кардинальных чисел. В §74 «Основположений арифметики» он пишет «0 – это число, соответствующее понятию “не равное себе”» [3, с. 49], таким образом, понятие нуля противоречиво, под его объём ничего не попадает и именно поэтому оно соответствует числу 0. В §77 обнаруживается, что под понятие «равно 0» попадает *одно* число – 0, соответственно, посчитав

нуль, мы приобрели понятие единицы: «1 – это число, соответствующее понятию “равное 0”». Аналогичным образом счёт нулей понятия единицы образует двойку и далее натуральный ряд чисел. Мы получаем логическое основание арифметики, *посчитав отсутствие как число*, приведя его к присутствию как отсутствия в единице, включив в основание противоречие «а не равно а», или ложь. Позиция нуля, возможность включить его в множество одновременно и как элемент, и как то, что задаёт границу множества, составляет парадокс Рассела. Но только как разрыв элемента и границы, фигуры и числа, зияние в логике, нуль и способен формировать единицу, это не изъясн в рассуждениях Фреге, нуль действительно включен в множество и одновременно – он то, что исключено из множества для его формирования. Причина парадокса – то, что мы, несмотря на его понятие, всё ещё воспринимаем *нуль как единое*.

Примером того, как вскрытие иррациональности арифметики парадоксом теории множеств открывает нам парадоксальность нашей рациональности как таковой, служит вопрос о благе – первый вопрос, который с необходимостью стоит перед мыслящим субъектом. Он первый, или основной для мысли, поскольку, если мы ставим под вопрос его необходимость и первичность, вопрошаем о том, следует ли нам спрашивать именно о благе, а не о бытии, смысле etc., то, как нетрудно заметить, наше сомнение оборачивается самим вопросом, который оно должно было подорвать. В то же время, вопрос о благе парадоксален, невозможен, поскольку мыслится он первым, но задан первым быть не может, такое спрашивание требует ответа как собственного условия. Следовательно, если я сам – мыслящий субъект данного рассуждения, то я не мог задавать вопрос и получить на него ответ, поскольку все мои рассуждения скомпрометированы кардинальным грехом мышления – мы обнаруживаем себя в движении мысли, которое не могло быть начато, картезианский разум, не способный ошибаться в силу своей природы, обнаруживает себя совершившим ошибку, автором которой быть не мог. Наша мысль всегда начинается с противоречия и, в то же время, стремится от него избавиться, мы стараемся устранить то, что нарушает границы, но сами же совершаем преступление. В этом состоит раскол человека: мы избегаем зла/конфликта/противоречия, но только в разладе с собой человек и функционирует. Кто совершил грех начала мышления? Ответ очень прост. Это не я. Должно быть, это был демон, обитающий в зеркале, и ошибкой было посчитать его собой, но именно это мы и делаем, когда мыслим себя самого как структуру, которая разворачивается во всяком мышлении, всяком действии человека. Это нечто очень простое, как иллюзия резиновой руки, упорядочивающая наш опыт. Не «дыхание

осуществляется», а «я дышу», не «мысли следуют друг за другом», но «я мыслю», и всё, чем эта структура занимается, что составляет её существо, – непрерывное развёртывание в иное и возврат к себе как новому, расширенному тождеству. Таким образом, она принуждает мыслить, и она есть разорванное мышление, всегда уже обнаруживающее себя в невозможной проблеме. Различие, различающее себя и в этом акте обнаруживающее тождество с собой, которое снова различает его, образуя рекурсивную петлю, парадоксальную самореференцию.

Лишённая подробного объяснения попытка сведения вещей и понятий к математике, пифагорейский мистицизм числа, получает блестящее развитие в учении Платона. У него число, включенное и выражаемое в системе других чисел и соотношении с ними, стало дискурсивно указывать на идею [4]. Рассудочное познание математика, берущего числа и аксиомы как данность, начинающего исследование с конца, Платон противопоставляет умственному усмотрению диалектика, понимающего, что его предпосылки и рассуждения, λόγος, есть лишь подобие, средство выражения идеи. Число математическое, которое можно подвергнуть операции деления, составить из него другие числа, – лишь рассудочное представление неделимой идеи числа. Разумеется, число не может, как считал Стагирит, быть свойством вещи: для эмпирического познания одна гроздь винограда легко переходит в 167 ягод, или 361 семя, в зависимости от нашей концептуализации. Сущность числа как его начало – беспредельное и довидовое, как он пишет, несовместима с телесностью, «невозможно бесконечному существовать в действительности, ведь в этом случае ему необходимо быть неким количеством» [1, с. 112], быть одним предметом, при этом будучи многими (а такое мыслить нельзя и существовать не может). Предел (дискретность) растворяется в беспредельном (континуальности) чувственно воспринимаемого мира и наоборот, континуум сгущается и проявляет вещи, отделяя их от фона в соответствии с идеей. Рассудок без оснований, оставляя эпистемический разрыв, заменяет не-дискурсивную идею её понятием, но только так она и может быть передана в логосе. «Диалектическая способность» есть то, что позволяет уму усмотреть идеи, диалектик использует речи для проявления и передачи того, что не видимо и не изрекаемо, знает разницу между понятием и тем, что оно выражает. Число здесь выступает как образец того, как работает познание вообще, метафора идеи. Таким образом, у Платона число и идея, в силу данного нами описания, тождественны (то есть, они представляются метафорой одного и того же). И, что важно отметить, число больше не привязывается Платоном к вещи, может быть число, посредством которого ничего не считают.

Примерно в тот же период, что и пифагореизм (ок. VI в. до н.э.), распространяется орфизм и вместе с ним вакхические культы, добавляющие оппозиции предела и беспредельного мистическую окраску (Аполлон – Дионис). Культ, сформировавший дуализм европейского мировосприятия, приходит к эллинам извне, с земли пчёл, мака и божественной природы – с Крита. Потустороннее здесь исчезает, становясь имманентным самой жизни. Элевсинский культ позволял оживить миф о матери и дочери, включая посвящаемого в ночной обряд очищения, где он или она воспроизводит действия Деметры, разыскивающей Персефону, играл и становился на место, с которого открывается зрелище. Кикеон, ночные странствия и скорбь подготавливали миста (новопосвященного в тайны обрядов) к эпифании – явлению пречистой богини из разверзаемых ударами в гонг врат в подземное царство. Тогда иерофант восклицал: «Владычица родила священного мальчика, Бримо родила Бримона! То есть, Могущественная – Могущественного» [5, с. 111 – 112]. Парадоксальным образом, владычица мёртвого подземного мира – *родила в пламени пещеры* ребёнка от союза с Аидом, что с удивительной точностью воспроизводит миф о рождении Зевса. В другом мифе Персефона рождает Загрея от Зевса. Поздний критский Зевс сохраняет лабрис (πέλεκυς) как связь с жертвенным быком, которая прослеживается в облике, принимаемом при похищении Европы. То, что похититель Персефоны и Дионис – одно и то же лицо, объясняет, почему похищение Персефоны происходит на *Нисейской* равнине, а также почему Деметре было отказано в её просьбе приготовить священный напиток элевсинских мистерий (кикеон) в гостях. отождествление похитителя Персефоны с Дионисом позволяет также понять, отчего связь между ними изображается как связь супругов. Пречистая Ариадна, разделяющаяся в минойском культе на деву и мать, оказывается отражением пары аспектов единой богини Персефона-Деметра, в то время как Зевс (отец Персефоны) может быть аналогичным образом ассоциирован с Аидом и Дионисом в лице её мужа и ребёнка. Итак, из смерти Персефоны порождается жизнь, подобно тому как из нутра принесённого в жертву критского быка порождаются пчёлы. Сошествие Персефоны в подземное царство и возвращение приносят людям пшеничный колос. Природа умирает и возрождается, но не человек. Однако по законам социальной психологии обряд очищения в Элевсине заставлял участников ясно увидеть в ожившем мифе самих себя.

В чём смысл очищения, или катарсиса, производимого в ходе подготовки миста? Катарсис не только избавляет от миазмов, он врачует тело человека. В своей зрелой форме катарсис есть врачевание и души,

происходящее путем сопереживания герою трагедия. Сама трагедия происходит из культа Диониса, предположительно из обряда жертвоприношения козлёнка в винодельческих деревенских общинах, суть которого состоит в питании оголённой мартовской виноградной лозы кровью своего врага (поскольку козёл в будущем стал бы объедать её) [6, с. 202–03]. Козёл – дионисийское животное, выступающее в своей греховности врагом Диониса, умерщвляемое в наказание мучительным образом для его торжества, но при этом в страдании козлёнка мучим и сам бог. Козлёнок не ведаёт о своём преступлении, он его даже не совершал, потому его судьба и трагична. Сопереживание несчастному созданию, его уязвимость перед неотвратимой судьбой, незнание о ней и несправедливость происходящего для человека – элементы, связывающий архаичный обряд с известной нам театральной формой.

Чтобы очиститься от зла, его необходимо на кого-то возложить. С этой целью греки измыслили ритуальную жертву – *фармакос*. Жертва приносилась за грехи народа в праздник Аполлона, в случае несчастья, постигшего город, либо для отвращения такового, подобно тому как Поликрат выбрасывал свой любимый перстень в море, в попытке предотвратить большую беду. Изгнание, вытеснение, образуют определенный порядок. Для этого порядка Дионис – пришлый, чужой и гонимый людьми бог, от которого следует избавиться. Отрицание, негативное, получает свою персонификацию. В этой отверженности Дионис, прежде бык при хозяйке лабиринта, затем охотник, ловящий добычу живьём, приобретает новое качество, не присущее ему на родине. Но, как учит нас психоанализ, всё вытесненное из сознания, возвращается обратно как проявления бессознательного, как безумие, что и иллюстрирует сюжет о царе Пенфее, который противится Дионису и оказывается растерзанным собственной матерью. Культ имманентного жизненного потока заставляет греков встретиться с тем, чего в границах их привычного порядка вещей быть не могло. Ответом на этот вызов стало включение противостоящей порядку иррациональности в его же основание. Поэтому Дионис включается в эллинский порядок, делая его агональным: как при постановке трагедии происходит разделение хора пополам для противостояния с последующим воссоединением, так и порядок, отдельное, в который впущен непрерывный поток жизни *Ζωή*, рождает антагонизм. Подобно раненой собаке, грызущей своё обнажившееся нутро, всё, во что проникает жизнь, бьется в конвульсиях, подобных тем, которые сотрясают человека в состоянии агонии. Так проявляет себя многострадальный бог неистовства, дважды рождённый, жертвующий самого себя и для себя, причащающий через собственную

кровь, в которую превращается сусло, созревая во время празднеств чудесным образом. Этот агнец, как и элевсинская идея спасения от смерти, подготавливает почву для христианства.

Чтобы произошло становление рациональности, требуется, помимо соответствующего материального субстрата, аккумуляция опыта. Очевидно, что опыт коллектива закономерно превосходит индивидуальный опыт. Отсюда проистекает культ предков: потомки совершают действия постольку, поскольку их совершили бы предки. Соответствовала такому положению дел и коллективная ответственность, исходящая из того, что индивид – не самостоятельный субъект, а часть коллектива (рода).

С накоплением знаний и появлением разделения труда, дифференцирующего опыт членов коллектива, следует спецификация духов по отраслям деятельности, на которые распространяются правила поведения, основывающиеся на законах, зафиксированных в опыте поколений. Специализированные личности, покровительствующие занятиям людей (охоте, врачеванию, земледелию и прочим), и выражающие законы, действующие в этих областях, стали зваться богами. Их почитание связано с уважением, выражающемся в соблюдении установленного порядка, за нарушение которого боги карают (через неуспех деятельности, осуществляющейся вопреки познанным предками закономерностями). Аполлон Дельфийский был действительной силой в жизни греков по той причине, что греки верили в него. Порождения человеческой фантазии обретают реальную силу в реальных общественных отношениях.

Античная эпоха осталось давно позади. Однако культура, в которой сформирован и живет современный человек, включает в себя идею жертвенности во имя блага и оправдывает страдания ради преодоления зла. Логично предположить, что порожденная античностью идея отягощенности любого утверждения собственным отрицанием составляет нашу рациональность как таковую, во всех сферах – от арифметики и логики до общественной жизни. Любой порядок порождает собственные антагонизмы. Порядок не способен поддерживать своё существование долго, не поместив в основание нечто внешнее по отношению к себе, своё отрицание/зло/иное, замещением которого он расширяется и утверждается.

Современное общество отрицает, стремится вытеснить смерть и страдание на периферию, но преданное забвению бытие само о нас не забывает. Стабильность современных капиталистических систем поддерживается через создание центров мирового терроризма и

«недемократических» режимов, демонизирующая пропаганда эффективно создаёт образ врага даже из представителей единого народа. Стремление вытеснить, подавить оппозицию, которую в таком качестве отделяет от себя порядок, приводит к его ослаблению, истощению ресурсов и в конечном счёте к поражению, за которым следует установление нового порядка.

Мы живем в эпоху постмодерна, в эпоху распада общества на социальные атомы, связанные лишь безличной силой рынка. Все многообразие человеческих отношений сведено к голому расчету. Но этот порядок порождает протест против самого себя, заставляет людей противостоять всеобщему прагматизму. Личность оказывается способна на подлинно человеческие отношения, преодолевающие границы между людьми. В группах, члены которых сталкиваются с мучительным опытом, доверительные связи между людьми устанавливаются быстрее, а взаимопомощь более распространена [9]. Становится понятно, каким образом страдание вызывает чувство принадлежности, сплачивающее людей и заставляет проявлять заботу об общем. Выводя боль за фасад, общество демонстративного потребления, неискренних улыбок, успеха и «happy end», пришедшего на смену очищающей трагедии, оказывается лишённым и подлинной любви и принадлежности, невозможных в условиях атомизации. Стремление к максимизации счастья порождает несчастных и разделённых людей. Подобно тому как утрата дома, отечества, веры, становится часто основанием для объединения людей и взаимной поддержки, само отсутствие этих важных вещей может стать возможностью, местом для конструирования нового взгляда (θέατρον), новой теории (θεωρία).

Список литературы

1. *Аристотель* Сочинения в 4 т. М.: Мысль, 1981. Т. 3. 613 с.
2. *Аристотель* Сочинения в 4 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. 550 с.
3. *Фреге Г.* Основоположения арифметики: Логико-математические исследования о понятии числа. Томск: Водолей, 2000. 127 с.
4. *Месяц С. В.* Платоновская концепция дискурсивного знания / С.В. Месяц // Философский журнал. 2011. № 1(6). С. 20-30.
5. *Кереньи К.* Элевсин: архетипический образ матери и дочери. – М.: Рефл-бук, 2000. 284 с.
6. *Кереньи К.* Дионис: Прообраз неиссякаемой жизни. – М.: Ладомир, 2007. 416 с.
7. *Отто Вальтер Ф.* Дионис. Миф и культ. – М.: Клуб Касталия, 2016. 224 с.
8. *Аристотель* Риторика. Поэтика. – М.: Лабиринт, 2000. 224 с.
9. *Bastian B., Jetten J., Ferris L.J.* Pain as Social Glue: Shared Pain Increases Cooperation // Psychological Science. – 2014. №25(11). С. 2079–2085.

RETURNING HOME: RISE OF THE EUROPEAN RATIONALITY

Maksim S. Legotin

Perm State University

15, Bukireva St., Perm, 614068, Russia

The process of formation of European rationality is considered, for which an excursion is made to its starting point – the Pythagorean doctrine of number. The Pythagoreans' interest in the geometrical expression of number and the resulting avoidance of zero are explained in centuries-old traditions. The origins of the Pythagorean doctrine of number are found in the Bacchic cults, the Eleusinian mysteries and related myths, as well as in ancient tragedy. A parallel is drawn between the rites in connection with death and resurrection in the Eleusinian mysteries and the theatrical performance enacted on the stage. It is shown that in both cases the purpose of influencing the audience is catharsis, purification from suffering and spiritual rebirth. An attempt is made to explain the mechanism by which the Dionysian (irrational) principle was incorporated into the cosmos of ancient culture, permeated with optimism and faith in human reason. Parallels are drawn with the modern atomized society, which at the level of mass consciousness is characterized by an attitude towards the avoidance of suffering, which ultimately turns into an increase in the number of unhappy people.

Keywords: Pythagoreanism, zero, Dionysus, Eleusinian mysteries, catharsis, rationality, tragedy, nothingness.